

1

В полиэстеровой юбке мерзнут ноги, к тому же она жмет в талии. Надо было прислушаться к интуиции, послать подальше весь этот похоронный этикет и надеть темно-синий брючный костюм.

Службу завершает бравурная интерпретация популярного гимна «О, благодать», и под завывания органа по проходу переполненной сельской церквушки торжественно выносят гроб.

В этом ящике из отполированного орехового дерева покоится мой старинный друг и коллега Эрик Берглз. Строго говоря, уже не сам Эрик, а разлагающаяся масса плоти и костей. Душа его, по заверениям священника, в данный момент направляется в некую чудесную страну за облаками. Мне очень хотелось бы надеяться, что он прав, вот только, скорее всего, дела обстоят несколько по-иному.

Прощающиеся один за другим перебираются в проход, и ряды скамеек впереди потихоньку пустеют. Кое-кого я узнаю, хотя большую часть собравшихся вижу впервые.

Когда гроб доносят до моего ряда, опускаю глаза в пол и принимаюсь считать про себя до шестидесяти. По прошествии минуты решаюсь поднять взгляд. Весьма удачно: мимо меня как раз плетутся замыкающие унылого «паровозика», локомотив которого в виде гроба уже достиг паперти. Церковь погружается в тишину.

Я не жалуяю ни людей, ни религию. Как следствие, похороны у меня восторга тоже не вызывают, и мучения мои пока еще не завершились.

Медленно встаю и бреду за остальными.

Небо затянуто мрачной серой пеленой, что для сегодняшнего дня весьма уместно, пускай для ноября картина и совершенно обычная. Прощающиеся уже окружают плотным кольцом свежевырытую могилу, что меня вполне устраивает. Постояю себе с краешка и смоюсь в ту же секунду, как этот фарс закончится.

Подбираюсь поближе, чтобы поглазеть на последний приют Эрика и понаблюдать, как гроб опускают в яму. Священник комментирует действие стихом, по-видимому, из Послания к Коринфянам:

— «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся».

Желания внимать его неискренним речам у меня нет совершенно, и я предаюсь воспоминаниям об Эрике и поре куда счастливее нынешней.

В 1993 году я закончила Манчестерский университет с дипломом первой степени по англистике и, полная решимости построить карьеру журналистки, устроилась в газетенку в сонном захолустье. Спустя шесть невыносимо долгих лет до моего сознания дошло, что за репортажи о сельских торжествах и благотворительных мероприятиях Пулитцеровскую премию я ни в жизнь не получу. Что ж, мне удалось устроиться в центральную газету, однако положение мое в иерархии издания поначалу было столь низким, что, случись мне установить подлинную личность Джека-Потрошителя, моего подвига никто бы всерьез не воспринял.

А потом в газете появился Эрик и взял меня под свое крыло.

Старше меня на тридцать один год, он уже был маститой акулой пера и обладал кучей всяческих наград. И я очень многим ему обязана. Эрик воспринимал

журналистику как археологию, что подразумевало медленное и методичное раскапывание истины. Семь лет мы были с ним сообщниками, однако газета закрылась, и пути наши разошлись. Эрик вышел на пенсию, а я зацепилась за лучшую работу, что удалось найти. Не ахти какую, но на жизнь хватает.

— ...и предаем его тело земле.

Я возвращаюсь в реальность. Священник склоняется, берет пригоршню земли и со словами из Екклесиаста бросает ее в зев могилы:

— «Все произошло из праха, и все возвратится в прах».

Начиная с вдовы Эрика, прощающиеся по очереди бросают землю в яму. Дурацкий обычай, если вдуматься.

На этом, без всякого торжественного финала, похороны завершаются. Все медленно расходятся, наверняка уже только и помышляя, что о поминках да заливании скорби алкоголем. Самое время линять.

Увы, не успеваю я сделать и десяти шагов по мокрой траве, как раздается чей-то возглас:

— Боже мой, глазам своим не верю! Да это же Эмма Хоган!

Голос я узнаю, однако предпочла бы пропустить оклик мимо ушей. К сожалению, я нахожусь слишком близко от говорившего, и симулировать глухоту не получится. Оборачиваюсь и изображаю улыбку:

— О, привет, Алекс.

Со своим бывшим коллегой Алексом Палмером в последний раз виделась я лет девять — десять назад. И время, судя по всему, его в свои любимчики не записало.

Он вразвалочку подходит ко мне и чмокает в щеку.

— Прекрасно выглядишь, Эмма! Как жизнь?

— Спасибо, хорошо. А у тебя?

— У меня тоже все пучком, спасибо.

Наступает неловкое молчание: Алекс подыскивает тему для разговора, я — благовидный предлог удрать.

Выигрывает гонку он, изрекая идиотскую банальность:

— Ужасная история приключилась с беднягой Эриком, правда?

Хм, а умереть без ужасов вообще возможно? Лично я точно не выбрала бы утопление во время рыбалки на озере, и тем не менее, если уж кому-то захочется выставить трагедию в положительном свете, Эрик, по крайней мере, погиб, занимаясь любимым делом. Пожалуй, сам он предпочел бы именно такой уход из жизни.

Напускаю на себя скорбный вид.

— Да-да, это так ужасно.

Алекс печально качает головой и продолжает:

— Идешь на поминки? Было бы неплохо поболтать о том о сем.

«Нет, Алекс. Не о чем мне с тобой болтать».

— Ах, хотела бы, но в Лондоне у меня назначена встреча.

— Все так же живешь и работаешь в городе?

— Ага, за все свои грехи.

Бросаю взгляд на часы, и Алекс, уловив намек, достаёт из кармана визитку и протягивает мне.

— Вот, позвони, пообщаемся.

— Обязательно. Приятно было с тобой повидаться, Алекс.

Оба заявления лживы, но ни одно угрызений совести у меня не вызывает.

Наконец-то удираю, и как раз в этот момент припускает дождик.

Когда я добираюсь до переполненной автостоянки, на быстрое бегство уже нечего и рассчитывать. Вставать в очередь машин на выезд мне неохота, и я просто сижу за рулем и наблюдаю, как вид за лобовым стеклом превращается в размытую палитру унылых красок. Если Бог существует, подобрать денек дерьмовее спровадить Эрика у него навряд ли получилось бы.

Проходят минуты, и пасмурная погода и похороны наконец меня добивают. Без какой бы то ни было видимой причины по щеке вдруг скатывается слезинка. А за ней еще одна, и еще.

И на меня обрушивается вся тяжесть утраты. Эрик умер. Умер человек, ставший мне настоящим отцом, в отличие от Денниса Хогана, этого жалкого суррогата родителя, которого я отродясь не видела — да никогда и не стремилась увидеть, честно говоря.

Волевым усилием останавливаю дальнейшую мокрую манифестацию на щеках и отыскиваю в бардачке бумажный носовой платок. Скорбь — эмоция коварная. За последние годы я достаточно настрадалась от нее, так что все ее уловки мне хорошо знакомы. Затаится себе в темном уголке сознания, и когда уже думаешь, что она убралась, возьмет и заявится в самый неподходящий момент. И в конце концов смиряешься с тем, что никуда скорбь не денется. Пускай даже ее острые грани со временем и сглаживаются, все равно она на протяжении месяцев, а то и лет омрачает каждую подсознательную мысль.

«Соберись, баба!»

Что ж, внимаю собственному указанию. Замечаю, что дождь прекратился и со стоянки исчез последний автомобиль. Пора двигать домой.

Дорога до кладбища по сельской местности Суррея обернулась тем еще стрессом, поскольку выехала я из Лондона с опозданием. Теперь же можно не спешить и от души наслаждаться пасторальными пейзажами за окном. И хотя работу в провинциальной газетенке я ненавидела, те годы привнесли приятное разнообразие в мое пожизненное заточение в Лондоне. Покидая городок, я пообещала себе, что однажды сбегу от бетона и толп и стану доживать свои денечки среди сельской идиллии. Похоронили Эрика в деревушке Элфорд по той причине, что по выходе на пенсию он здесь поселился, и я прекрасно понимаю его выбор.

Однако на данный момент моя, с позволения сказать, карьера удерживает меня на привязи в Лондоне.

Я неспешно качу по проселочным дорогам, и мысли мои возвращаются к Алексу Палмеру. Красавцем он никогда не был, а с годами еще и прибавил в весе, расплатившись за новые килограммы частью шевелюры. Интересно, что он обо мне подумал... Сильно ли я изменилась за время, что мы не виделись? Волосы я стрижу коротко и крашусь в светло-золотистый, благодаря чему седины не заметно, и мне удается сохранять относительно стройную фигуру — признаюсь честно, благодаря хорошим генам по материнской линии, а вовсе не всяким диетам и физическим упражнениям. Но вот на лице годы, несомненно, отразились. Не в последнюю очередь потому, что я любительница выпить, да и покурить порой не прочь. Грубо говоря, лицо у меня несколько «поизносившееся».

Вне зависимости от степени физической сохранности каждого из нас, встреча с Алексом служит напоминанием, что время движется с пугающей быстротой. И с каждым прожитым годом как будто все больше и больше ускоряется. Да, была у меня стадия самоубеждения, будто я еще и полжизни не прожила, однако после сорок шестого дня рождения пришлось признать, что девяносто два года — это уже несколько чересчур.

Понимая, что подобными размышлениями лишь вгоняю себя в депрессию, я включаю радио.

Навигатор подсказывает, что на следующем перекрестке необходимо свернуть направо. Я подчиняюсь и оказываюсь на очередной однополосной дороге. Из-за извилистости и высокой живой изгороди видимость ограничена, и во избежание лобового столкновения с каким-нибудь трактором я еле ползу. После двух изгибов, впрочем, дорога выпрямляется, что позволяет мне поддать газу.

Живые изгороди расступаются, и глазам моим предстают поля да голые деревья. Нисколько не сомневаюсь,

летом здесь очень живописно, но в это время года, да еще под таким мрачным небом, сердце лишь наполняется тоской и тревогой.

Краем глаза замечаю слабый синий всполох. Свет исчезает и появляется вновь.

Притормаживаю и кошусь в боковое зеркало. И задерживаю на нем взгляд, увидев источник синих вспышек: на площадке возле нескольких одноэтажных строений стоят три полицейские машины.

Любой хороший журналист скажет, что одна полицейская машина еще ничего не значит, но вот две и больше, в особенности с включенными мигалками, почти наверняка свидетельствуют о сюжете для репортажа. И потому целых три машины служат для меня непреодолимым искушением.

На первой же достаточно широкой обочине я останавливаюсь.

Выбираюсь из машины, и меня немедленно охватывает знакомое чувство. Эрик называл его «звоночек» — внезапный выброс адреналина, сопровождаемый обострением журналистской интуиции. И он говорил мне, что это ощущение — единственное, чего ему недостает на пенсии, потому и увлекся рыбалкой. Очевидно, чтобы испытать восторг от улова, требуется такое же долготерпение — поистине достойное праведника.

Я торопливо иду вдоль дороги в обратном направлении, и «звоночек» звучит все отчетливее.

По достижении площадки замечаю табличку, основательно поросшую травой: «Кентонский конный двор». Что ж, на один вопрос ответ получен. Однако причина присутствия трех полицейских машин возле сельской конюшни остается неясной, что совершенно не устраивает мою любознательную натуру.

Передо мной возникает полицейский в форме.

— Чем могу помочь, мадам?

Он молод и, стало быть, неопытен — мой любимый тип полицейских.

— Мне просто интересно, что здесь случилось.

— Имело место происшествие.

Слово «происшествие» для журналиста что вальс-рыжаник для кошек.

— О! И что за происшествие?

— Боюсь, не могу вам этого сказать, миссис...

— Хоган, и я «мисс». У меня здесь встреча с подругой. По вторникам мы катаемся верхом.

Полицейский окидывает меня подозрительным взглядом.

— И это ваш костюм для верховой езды?

— Господи, нет, конечно же, — хихикаю я как дурочка. — Просто я прямо со встречи. А смену одежды мне обещала привезти подруга.

— На какой она машине?

«Черт!»

— Ах, я в марках машин совсем не разбираюсь. Какой-то белый седан.

Вместе со стражем закона мы сосредоточенно изучаем автостоянку, и много времени это у нас не отнимает. Кроме полицейских машин стоят только две, однако ни одна из них не отвечает моему описанию.

— Похоже, ее здесь нет, — равнодушно констатирует он. — И, боюсь, на сегодня конюшня закрыта.

— Поняла.

— Приятного дня, мисс Хоган.

Любезный намек, что мне пора отсюда. Пожалуй, я недооценила молодого полицейского, но сдаваться пока не собираюсь.

— Надеюсь, никто не пострадал?

— Как я уже сказал, я не имею права разглашать какие-либо сведения.

Тем не менее ответ на свой вопрос я получаю — в виде вкатывающей на стоянку машины скорой помощи.

Полицейский явственно разрывается между разбирательством с пронырливой зевакой и выполнением

более неотложных обязанностей. Наконец, идет на компромисс: просит меня удалиться и торопится к скорой помощи.

Я наблюдаю, как он что-то обсуждает с парамедиками. Вот он, мой шанс.

Метрах в двадцати впереди два деревянных строения — очевидно, конюшни. На дорожке между ними топчется еще несколько полицейских. Нетрудно сообщить, что упомянутое их молодым коллегой происшествие именно там и имело место. Если я направлюсь напрямик туда, меня живенько развернут, так что более верным решением представляется обогнуть правый корпус с дальнего торца. И оттуда можно будет незаметно подсматривать за действием.

Убедившись, что молодой полицейский все еще занят, я перебегаю в угол автостоянки. Ежевичник на ее границе почти соприкасается со стеной конюшни, однако между ними как будто хватит места, чтобы протиснуться.

Снова бросаю взгляд на полицейского — он уже куда-то ведет парамедиков. Достаточно ему хоть чуть-чуть повернуть голову, и я попалась. Не дожидаясь, пока это произойдет, поспешно протискиваюсь в узкий проход, прижимаясь спиной к влажным деревянным панелям, чтобы не исколоться.

Ростом я чуть ниже ста семидесяти, однако кустарник вымахал за два метра, а стена конюшни и того выше, так что в этом тайном рейде мне остается только радоваться, что я не подвержена приступам клаустрофобии. На что, впрочем, можно подсадовать, так это на неподходящую обувь. Ноги погружаются в холодную мульчу по щиколотки, и туфли за шестьдесят фунтов становятся очередной моей жертвой ради карьеры.

Надеюсь, она окупится.

Потихоньку пробираюсь к свету. Отнюдь не впервые в своей жизни задаюсь вопросом, что я здесь делаю, но, верная себе, энергично продолжаю погоню за ответом.

Наконец, стена заканчивается, и, прячась в зарослях, я выглядываю из-за угла.

И тут же отшатываюсь, едва лишь бросив взгляд.

Действо разворачивается в одном из стойл, всего метрах в шести от моего наблюдательного пункта. Пожалуй, я оказалась даже чересчур близко, так что необходимо соблюдать осторожность. Чтобы не попасться на глаза, приседаю на корточки и снова выглядываю из-за угла. Как раз в этот момент парамедики выводят из конюшни какого-то старика и женщину, явно с синдромом Дауна. Прежде чем я успеваю достать телефон и сделать снимок, они поворачиваются ко мне спиной и удаляются. Наверняка к машине скорой помощи, но поскольку оба передвигаются на своих двоих, а не лежат на носилках, остается лишь предположить, что три полицейские машины с оравой правоохранителей примчались сюда не из-за них.

Старик с женщиной исчезают из виду, и я осматриваю местность. Почти всю открывающуюся мне панораму составляет обнесенный изгородью из жердей загон. Метрах в пятидесяти от меня полицейский разговаривает с мужчиной в темно-синем пальто. Лица последнего мне не видно, но он оживленно жестикулирует, в то время как страж порядка записывает его показания в блокнот.

Мое внимание вновь переключается на полицейских возле конюшни. Судя по их неспешности, разыгравшаяся здесь драма уже завершилась. Или я вообще наблюдаю за несоразмерной реакцией сельской полиции? Как будто ничего не происходит, зачем же тогда лента оцепления?

Сцена значительно оживляется, когда ворота конюшни распахиваются, и оттуда вылетает мужчина и устремляется в сторону загона. Слово его мощного телосложения недостаточно для привлечения внимания, он еще и разодет словно статист из сериала семидесятых: расклешенные джинсы и жилетка из того же

материала. По пятам за ним следует женщина, минимум на четверть метра ниже ростом. Ее и без того резкие черты еще более заострены очевидным раздражением.

Оба направляются к полицейскому, по-прежнему снимающему показания у мужчины в темно-синем пальто.

Между четверкой завязывается разговор, причем на повышенных тонах. Пожалуй, удовлетворенно прикидываю я, кое-что интересное на мою долю еще да перепадет. Достаяю из куртки телефон, навожу на компанию объектив и даю максимальное увеличение.

В тот момент, когда изображение на экране фокусируется, мужчина в пальто оборачивается, и мне наконец-то открывается его лицо.

— Вот же ж черт! — тихонько ахаю я.

Я узнаю его. Это Уильям Хаксли. Тот самый Уильям Хаксли.

2

Еще восемь часов назад я не узнала бы Уильяма Хаксли, даже столкнись с ним нос к носу на улице — всего лишь еще один безликий политик-заднескамеечник. Однако после изобличительной передовицы в сегодняшнем утреннем выпуске центральной газеты злополучному депутату о безвестности остается только мечтать.

Статья скандальнее некуда: сводная сестра Хаксли заявила, будто имела с ним инцестуальную связь. Одна из тех редких публикаций, благодаря которым в одночасье можно взлететь по карьерной лестнице, и читала я ее, скажу честно, изводясь от зависти.

Когда я отправлялась из Лондона на похороны, никому из журналистов еще не удалось выследить Уильяма Хаксли, не говоря уж о получении от него каких-либо комментариев. И вот, благодаря сверхъестественному везению мне удастся обнаружить его в сельской глуши — да еще, судя по всему, угодившего в передрагу покрупче обвинений в инцесте! Не то чтобы я верю